

Заморкин А. Б. «В крови расплывающийся мир» в парижской публицистике И. Д. Сургучева военного времени (1940—1945 гг.) / А. Б. Заморкин // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 74—83.

Zamorkin, A. B. (2017). "The World Blurred in the Blood" at the Paris Journalism of I. D. Surguchev of Wartime (1940—1945). *Nauchnyy dialog*, 1: 74-83. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 070+821.161.1Сургучев7:82-92(443.611)“1940/1945”

«В крови расплывающийся мир» в парижской публицистике И. Д. Сургучева военного времени (1940—1945 гг.)

© Заморкин Алексей Борисович (2017), старший преподаватель кафедры журналистики, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия), alex_zamorkin@mail.ru.

Статья посвящена исследованию специфики тем и идей в парижской публицистике И. Д. Сургучева 1940—1945 годов. Материалом исследования послужили его дневниковые записи и публикации в газетах того времени, вошедшие в сборник «Парижский дневник (1940—1945)» (2015), подготовленный к изданию известным сургучеведом А. А. Фокиным. Уделяется внимание сургучевской характеристике времени. Указывается, что автор констатирует трагичность происходящего, не давая негативных оценок оккупантам. Показано, что в данный период публицистика Сургучева концентрируется вокруг базовых константных категорий бытия — «вечность», «культура», «жизнь», «смерть», «счастье». Утверждается, что Сургучев выражает свою безграничную веру в силу и возможности культуры. Указывается, что публицист, создавая картину всеобщего обнищания, разрухи и падения нравственности в условиях военного времени, последовательно проводит мысль о губительности разобщенности общества и отсутствия патриотизма. Сообщается, что Сургучев оценивал республику как неэффективную форму государственного правления. Особое внимание уделяется теме России. Отмечается, что вторжение Германии в Россию осознавалось Сургучевым как начало освобождения страны от большевизма, как возможность возвращения русской эмиграции домой.

Ключевые слова: история журналистики русского зарубежья; публицистика; И. Д. Сургучев; Россия.

1. Введение

Историко-журналистское знание о публицистике русского зарубежья постоянно пополняется (см., например, работы С. Н. Гладышевой,

Л. А. Иезуитовой, Т. И. Красновой, Н. М. Михалева, А. В. Млечко, И. Мянновска, Т. М. Степановой [Гладышева, 2011, с. 146—149; Иезуитова, 2009, с. 3—7; Краснова, 2011; Михалев, 2009; Млечко, 2013, с. 48—54; Мянновска, 2010, с. 915—917; Степанова, 2016] и др.), и в то же время эта тема сохраняет множество лакун. На одной из них акцентировалось внимание некоторое время назад в статье с характерным названием «Журналистика русского зарубежья: требуются персоналии» [Лебедева, 2010, с. 43—57]. В рамках этого направления и выполнена данная работа, призванная пролить свет на эмигрантское публицистическое творчество русского писателя и журналиста Ильи Дмитриевича Сургучева (1881—1956), в дореволюционное время сотрудничавшего со многими отечественными изданиями («Северный Кавказ», «Наш край», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Журнал для всех» и др.) и продолжившего журналистскую деятельность в эмиграции.

В Париже он оказался в 1924 году. Там же пережил вторую мировую войну.

Для исследования его публицистического наследия того времени был использован сборник «Парижский дневник (1940—1945)» (2015 г.), подготовленный к изданию известным сургучеведом А. А. Фокиным. В сборник вошли дневниковые записи Сургучева и его публикации в газетах того времени «Новое слово» и «Парижский вестник».

Целью исследования было выявить специфику тем и идей, транслируемых автором-эмигрантом во время войны, в которую была втянута и страна, которая его, изгнанника, приютила, и его родина, в «музейное время», в эпоху, когда, по мысли самого публициста, «пульс Вечности бьется лихорадочными, землетрясающими ударами, и нужно иметь только ухо, чтобы их слышать» [ПД, с. 15], когда была «исторична каждая секунда» [ПД, с. 22].

2. Базовые константы в «Парижском дневнике»

Исследование показало, что публицистические размышления Сургучева в тот период концентрируются вокруг базовых константных категорий бытия — «вечность», «культура», «жизнь», «смерть», «счастье».

Лейтмотивом «Парижского дневника» являются мысли о мелочности человеческого бытия перед лицом вечности. Сургучеву близка идея, что «счастье — не в богатстве, не в роскошном столе, не в роскошной одежде — счастье в той радости, которая омывает сердце» [ПД, с. 47]. Публицист противопоставлял суету человеческой жизни природе: «Люди женятся, посягают, собирают в житницы, воюют, истребляют друг друга, мирят-

сы и опять ссорятся, а природа продолжает жить своей жизнью и сияет своею равнодушною красой» [ПД, с. 81]; «Какою вечной красотой сияет утренняя заря! Как разгорелась к рассвету Аврора! Какой в небе торжественный покой. Как всё отчужденно-далеко от тревог бедного больного человеческого сердца!» [ПД, с. 84].

3. Характеристика времени в публицистике Сургучева

Осознавая масштаб и значимость происходящих событий (неслучайно эпиграфом к публикации «1 марта», за две недели до оккупации французской столицы, публицист выбрал поэтические строки «Пройдут века / И сколько раз в театрах эта сцена повторится»), он интерпретирует необычный парад звезд в ночном небе Парижа как «небесное знамение», сродни тому, что увидели вифлеемские пастухи: «Небо говорило. С неба был слышен глас: разумеите, языцы, и покоряйтесь» [ПД, с. 12]. Ожидаемое вхождение германских войск в Париж автор сравнивает с «предсказанным землетрясением» [ПД, с. 33], а день оккупации Парижа называет «может быть, самым значительным в жизни людей после, скажем, дня рождения Магомета» [ПД, с. 44] и исходя из этого понимания фиксирует мельчайшие детали вхождения завоевателей в город как «летописец» — для будущего Льва Толстого, автора новой «Войны и мира».

Не давая негативных оценок оккупантам, Сургучев характеризовал время: «сумасшедшие времена» [ПД, с. 168], «роковые минуты мира, когда все корчится и стонет» [ПД, с. 136], время, когда «свиристует чума» [ПД, с. 145]. О событиях 1814 года он пишет: «Так же, как и теперь, земля заливалась кровью, плакали матери и жены...» [ПД, с. 180].

Антигуманность происходящего выражена в публицистике Сургучева сравнением авиации, способной на бомбардировки, с библейским «проклятием на бедную человеческую голову» [ПД, с. 17]: «Отыскал бы потопицу той осины, на которой повесился Иуда, сломил бы сук, выстругал бы его и с наслаждением бы вбил его в могильный холм изобретателя» [ПД, с. 17].

4. Жизнь во время войны как объект внимания публициста

Сургучев мало внимания уделял быту оккупированного города, однако из отдельных деталей (очереди за молоком, рыбой, картофелем, газетами, продовольственные карточки, холод в квартирах и др.) складывается картина всеобщего обнищания и разрухи. Не менее ярки в текстах Сургучева эпизоды, представляющие падение духовности в военное время: умерщвление раненых медсестрами, умерщвление Обществом покровительства

животных домашних котов, которых принимало от парижан «на полное содержание до наступления лучших времен» [ПД, с. 106] и доводило до гибели ради шкур, и т. д.

Осознавая себя «на чужой земле живущим блудным сыном» [ПД, с. 12], Сургучев дистанцировался от происходящего противостояния Франции и Германии и занимал позицию наблюдателя. Этим объясняется и детализированное описание вхождения вражеской армии в Париж, и создание репортажных сценок первых встреч горожан с завоевателями (немецкий солдат в общей очереди за продовольствием, немецкие офицеры в кафе среди другой публики).

Описывая «раненый организм» Парижа, Сургучев создал неоднозначную картину: презрительно отзываясь о сбежавшем правительстве и о молодых мужчинах, увильнувших от мобилизации и защиты страны, он не одобрял действия французов, которые вели себя в ситуации военного противостояния, на его взгляд, непатриотично («драпают»), и недвусмысленно указывал на измельчание нации. Подтверждением этому для него служила историческая параллель с противостоянием французов Германии в 1871 году, когда Наполеон III проиграл войну и немцы смогли оккупировать всего на три дня и только часть Парижа, поскольку, по мысли публициста, французы не могли в то время пережить подобного позора и сделали все, чтобы противник не задержался в их столице. Сургучев неоднократно развивал мысль о губительности разобщенности общества и отсутствия патриотизма.

Сургучев много раз обращался к вопросу о том, кто виноват в завоевании Франции немцами. Его ответ — французский народ, который избрал такой парламент, а тот, в свою очередь, поставил такое бездарное, непрофессиональное правительство, допустившее сдачу Парижа и страны врагу. Сургучев считал причиной проигрыша неуважение к армии, «вечное третирование генералов в театре» [ПД, с. 57], возведение на должность военного министра вчерашнего учителя истории марсельской гимназии.

В условиях, когда не было организованного сопротивления наступающей немецкой армии, публицист размышлял о республике как неэффективной форме государства, о сомнительном праве большинства определять будущее всех и сложности положения меньшинства. В этом его убеждали собственные наблюдения над развитием событий в России в предреволюционное и революционное время и в современной Франции.

Падение Парижа для Сургучева — это наказание французов за бездуховность, за гордыню, за неумение адекватно оценивать противника, за неблагодарность по отношению к русской армии, спасшей в прошлую войну их страну.

5. Тема культуры в публицистике Сургучева

Тема культуры занимает одно из центральных мест в публицистике И. Д. Сургучева. Писатель, драматург, коллекционер картин, ценитель музыки, он обращался к творчеству великих предшественников и современников, восхищался церковной поэзией и музыкой, передавал атмосферу спектаклей, представлял величественную архитектуру европейских городов.

Публицистика Сургучева того времени раскрывает его безграничную веру в силу и возможности культуры. Этим объясняется и тот факт, что публицист не допускал мысли о зверствах гитлеровской армии, ведь в его представлении немцы — «один из культурнейших на земле народов», «Германия — родина идеалистической философской мысли» [ПД, с. 33]. Он с юмором описывал ситуацию, когда на юбилее газеты «Возрождение» пообещал за каждую бомбу, сброшенную на столицу Франции, платить по пять франков, доказывая присутствующим, что бомбардировка Парижа невозможна («Не забывайте, что хоть боком маленьким, а всё же Адольф — художник. А Париж — музейный город» [ПД, с. 15]), и проиграл. Для автора дневника было очевидно, что «Париж, как Венецию, как Рим, как Нюрнберг, бомбардировать нельзя. Есть вещи, которые понимает даже моль» [ПД, с. 15]. В газетной публикации от 13 июня 1940 года эта мысль повторена снова: «Париж бомбардировать нельзя, как нельзя бомбардировать Венецию, Нюрнберг, Брюгге, Москву: музейные города» [ПД, с. 31]. Таким образом, не давая прямых оценок оккупантам, публицист тем не менее передавал свое негативное восприятие «вещей, которые понимает даже моль». Аналогично он отзывался о бомбардировке Рима американцами, у которых, как он считал, «есть все сорта сала» [ПД, с. 267], но культуры нет. Для передачи своего отношения к происходящему автор использовал афористичное высказывание Телейрана: «Это больше, чем преступление. Это — ошибка» [ПД, с. 265].

Культура для Сургучева — это базис русской нации: «только в ней, культуре, и состоит наша главная сила, которой не страшны никакие врата ада» [ПД, с. 194]. Эта идея подтверждалась опытом эмиграции и прежде всего выживания русских в лагере для беженцев в Турции, где сразу же была создана церковь, образовался хор, начались театральные постановки и стала выходить стенная газета: «Так, в годину великих бедствий где-то на азиатском пяточке начала брезжить маленьким робким светиком новая свечка, зажженная от пушкинских, тургеневских, репинских огней-источков» [ПД, с. 194].

6. Тема России в парижской публицистике Сургучева

Россия в сознании И. Д. Сургучева делится на две: добольшевицкую и ненавистную «Советскую социалистическую республику». Чаще он вспоминал время царской России — «не забытое, а притаившееся в памяти, которое так радостно воскресить и в горячих лучах которого так приятно погреться, когда ни с того, ни с сего очутился в положении блудного сына и из милости проживаешь у соседа на полу» [ПД, с. 14]. Прошлая Россия для Сургучева — это счастливое студенчество, художественная жизнь Петербурга («Какие-то футуристы, бурлюки, доктора по горловым болезням, «Балаганчик» в постановке Мейерхольда, осмеяние Толстого и грузинский протест против этого, появление «Товарища» и «Сына Отечества», успех сборников «Знание» и «Василия Фивейского», «Юлий Цезарь» в Художественном театре, смерть Чехова, В. И. Немирович-Данченко в цилиндре на Невском проспекте...» [ПД, с. 14]), Москва и Московский Художественный театр, родной для него «единственный и неповторимый город Ставрополь-Кавказский» [ПД, с. 72]. Главная эмоция, связанная с этой темой в публицистике «Парижского дневника», — ностальгия по Родине, «любовь к дому, неистребимая, несмотря ни на какие Парижи, ни на какие Елисейские поля» [ПД, с. 72]. «Много дал бы, чтобы пройти сейчас по Первой Ясеновской, чтобы прикоснуться губами к медной ручке отцовского дома, украдкой заглянуть в окно своей комнаты, сорвать листок с липы, которую когда-то лечил от царапин на коре...» [ПД, с. 74], — записал Сургучев в 1940 году. 60-летний эмигрант, покинувший страну вместе с белой армией, он мечтал пройти пешком из Москвы в Ставрополь: «понастоящему почувствую русскую землю, русское небо, звезды, русское засеянное поле» [ПД, с. 78].

Царская Россия предстает в его публицистике как страна достатка («Россия сытая, в полушубок одетая, заваленная славой и добром, выходила на большие европейские дороги» [ПД, с. 118]), насыщенной культурной жизни и художественных открытий и в то же время как страна, в которой правило «великосветское болото» и «ничего, по великому невежеству, не понимало в великом царском деле» [ПД, с. 128]. Сургучев указывал на «ещё мало кем отмеченную вину нашей знати в зарождении причин, вызвавших русскую революцию. Вина эта, заключающаяся в отсутствии истинного и искреннего патриотизма, когда-нибудь обратит на себя внимание вдумчивого историка» [ПД, с. 130].

Обращение к прошлому страны было неразрывно связано в сознании публициста с размышлениями о ее настоящем и будущем. Незадолго до

германского вторжения на русскую землю Сургучев писал: «...что же будет с Россией? В конце концов, это — единственное, что меня трогает» [ПД, с. 94]. В июле 1941 года публицист бессонными ночами мучительно размышлял о происходящем на Родине: «Россия горит, трещат города, великая страна в костре очищается от душевной болезни, греха-скверны, Россия несет великие казни, — за что? За то ли, что прикоснулись к Помазаннику Его? За то ли, что не отстояла и дала посмеяться над Сергием, Петром, Алексием, Ионой и Филиппом? И если волос не падает с головы человека без воли Божией, то, значит, всё идёт по заранее предначертанному плану, значит, всё — добро зело, всё — на пользу» [ПД, с. 114].

Вторжение Германии в Россию им осознавалось как начало освобождения страны от большевизма, как возможность возвращения русской эмиграции домой: «Все мы вошли в какую-то разверзшуюся стену. И вот, кажется, стена эта открывается, мы выходим из неё и выносим спрятанные дары. Приходим на Русь, низко кланяемся и говорим: — Твоя от Твоих. Вот твои дары, вот твой огонь. Что сберегли — бери, чего не сберегли, прости. И с миром отпусти по глаголу Твоему. Ибо видели очи наши спасение Твое» [ПД, с. 102]. Эмоции от взятия немцами родного для него города Ставрополя, в который когда-то «ввалились большевики и заиграли свою кровавую волынку» [ПД, с. 199], Сургучев передал следующим образом: «Смесь радости, печали, горечи, внутренней улыбки, внутри пролившейся слезы. Тревога, неясные ожидания, настороженность, какая-то неоформленная надежда» [ПД, с. 199].

Как сумасшествие оценивалась им самим мечта вернуться на родину: «Я поеду в Россию? Да никогда. Что я там буду делать? Все, кого любил, давно умерли или казнены. С отцовской могилы снята мраморная плита. Кругом — племя молодое, незнакомое и диковатое» [ПД, с. 100]; «И Охотного Ряда нет, и храм Христа Спасителя снесен, и “Вестника Европы” нет, и Амфитеатрова нет, и Дорошевича нет, и кругом всё свихнутые мозги, и слово “товарищ”, которое ещё будет привязываться лет пять... Кто мне нужен и кому я, смешной человек, привидение старого мира, нужен?» [ПД, с. 101].

7. Выводы

Парижская публицистика И. Д. Сургучева 1940—1945 гг. сосредоточена на базовых категориях бытия — «вечность», «культура», «жизнь», «смерть», «счастье», она свидетельствует о восприятии автором трагичности происходящих событий при отсутствии негативных оценок немецких завоевателей и о вере в гуманистический потенциал культуры. Сургучев, создавая картину разрухи и падения нравственности в условиях военного

времени, считал губительными разобщенность общества и отсутствие патриотизма, представлял демократическую республику как неэффективную форму управления. Особую роль в сургучевской публицистике того времени занимает тема России. Воспоминания о прошлом величии страны сочетаются в текстах с тревогой за ее настоящее и неприятием Советской социалистической республики. Вторжение Германии в Россию оценивалось им как высвобождение страны от большевистской власти и возможность возвращения русской эмиграции на родину.

Источники и принятые сокращения

1. ПД — *Сургучев И. Д.* Парижский дневник. 1940—1945 / И. Д. Сургучев ; ред. А. А. Фокина. — Ставрополь : ТоварищЪ, 2016. — 310 с.

Литература

1. *Гладышева С. Н.* Вторая мировая война в публицистике М. Осоргина / С. Н. Гладышева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия, Филология. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 163—167.
2. *Иезуитова Л. А.* Первые шаги русской эмиграции : публицистика / Л. А. Иезуитова // Литература русского зарубежья (1920—1940-е годы): Взгляд из XXI века : материалы Международной научно-практической конференции 4—6 октября 2007 года / под ред. Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2008. — С. 3—7.
3. *Краснова Т. И.* Другой голос : анализ газетного дискурса русского зарубежья, 1917—1920 (22) гг. / Т. И. Краснова ; под ред. Л. Р. Дускаевой. — Санкт-Петербург : Северная звезда, 2011. — 588 с.: ил.
4. *Лебедева Т. В.* Журналистика русского зарубежья : требуются персоналии / Т. В. Лебедева // Современные проблемы журналистской науки : ежегодный сборник научных статей / сост. В. В. Тулупов. — Воронеж : ВГУ, 2010. — С. 43—57.
5. *Михалев Н. М.* Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Н. М. Михалев. — Москва, 2009. — 21 с.
6. *Млечко А. В.* Мифологема возвращение и ее символические корреляты в семантическом пространстве русского текста «Современных записок» / А. В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2013. — № 3. — С. 48—54.
7. *Мяновска И.* Русская эмиграция во Франции в очерках К. К. Парчевского / И. Мяновска // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия, Литературоведение. Межкультурная коммуникация. — 2010. — № 4 (2). — С. 915—917.
8. *Степанова Т. М.* Литературная критика и публицистика русского зарубежья. Мотивы. Тенденции. Имена : учебное пособие для студентов факультетов филологии и журналистики / Т. М. Степанова. — Майкоп : ЭлиТ, 2016. — 164 с.

“The World Blurred in the Blood” at the Paris Journalism of I. D. Surguchev of Wartime (1940—1945)

© **Zamorkin Aleksey Borisovich (2017)**, senior lecturer, Department of Journalism, North Caucasian Federal University (Stavropol, Russia), alex_zamorkin@mail.ru.

The article is devoted to the specifics of the themes and ideas in Parisian journalism of I. D. Surguchev in 1940—1945 years. The research is based on his diary and publications in the newspapers of the time forming “Paris Diary (1940—1945)” (2015) prepared for publication by well-known Surguchev’s researcher A. A. Fokin. Attention is paid to Surguchev’s characteristic of the time. It is stated that the author acknowledges the tragedy of what is happening, not giving negative evaluations to the occupants. It is shown that in this period Surguchev’s journalism is concentrated around a constant basic categories of being — “eternity,” “culture,” “life,” “death,” “happiness.” It is argued that Surguchev expresses his boundless faith in the power and possibilities of culture. The publicist, creating a picture of universal impoverishment, chaos and decline of morality in wartime, consistently pursued the idea of disastrous fragmentation of society and lack of patriotism. It is reported that Surguchev assessed the Republic as an inefficient form of government. Special attention is paid to the theme of Russia. It is noted that the German invasion of Russia was interpreted by Surguchev as the beginning of liberation from Bolshevism, as the possibility of the return of Russian emigration home.

Key words: history of Russian emigration journalism; journalism; I. D. Surguchev; Russia.

Material resources

PD — *Surguchev, I. D.* 2016. *Parizhskiy dnevnik. 1940—1945*. Stavropol: Tovarishch. (In Russ.).

References

- Gladysheva, S. N. 2011. Vtoraya mirovaya voyna v publitsistike M. Osorgina. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Filologiya. Zhurnal-istika*, 2: 163—167. (In Russ.).
- Iezuitova, L. A. 2008. Pervyye shagi russkoy emigratsii: publitsistika. In: Iezuitov, L. A., Titarenko, S. D. (eds.). *Literatura russkogo zarubezh'ya (1920—1940-e gody): Vzglyad iz XXI veka: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 4–6 oktyabrya 2007 goda*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Krasnova, T. I. 2011. *Drugoy golos: analiz gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya, 1917—1920 (22) gg.* Sankt-Peterburg: Severnaya zvezda. (In Russ.).
- Lebedeva, T. V. 2010. Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya: trebuyutsya personalii. In: Tulupov, V. V. *Sovremennyye problemy zhurnalisticheskoy nauki: yezhegodnyy sbornik nauchnykh statey*. Voronezh: VGU. 43—57. (In Russ.).
- Mikhalev, N. M. 2009. *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya i stanovleniye sovetskoy kon-trpropagandy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

- Mlechko, A. V. 2013. Mifologema vozvrashcheniye i yeye simbolicheskiye korrelyaty v semanticheskom prostranstve russkogo teksta «Sovremennykh zapisok». *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 3: 48—54. (In Russ.).
- Myanovska, I. 2010. Russkaya emigratsiya vo Frantsii v ocherkakh K. K. Parchevskogo. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya, Literaturovedeniye. Mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 4 (2): 915—917. (In Russ.).
- Stepanova, T. M. 2016. *Literaturnaya kritika i publitsistika russkogo zarubezhya. Motivy. Tendentsii. Imena: uchebnoye posobiye dlya studentov fakultetov filologii i zhurnalistiki*. Maykop: EliT. (In Russ.).